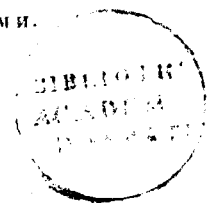

62,258

ОБЗОРЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ УСПѢХОВЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНІЯ,

особенно въ отношеніи къ средству Санскрит-
скаго языка съ языками Семитическими.

Рѣсь. Ученые единогласно признають важность изученія языковъ. Оно долго починалось средствомъ ознакомиться съ Исторіею, правами, обычаями народовъ, съ произведеніями ихъ мыслителей и Философовъ, однимъ словомъ со всѣми ихъ понятіями, идеями и дѣйствіями для увеличенія собственныхъ познаній, для улучшенія нашихъ гражданскихъ учрежденій, узаконеній и для все-сторонняго образованія духа и сердца. Вопросъ почему творенія Грековъ и Римлянъ служатъ намъ уже многія столѣтія не только единственными путеводителями въ Исторіи древности, но даже образцами и наставниками во всѣхъ опрасяхъ

Искусствъ и Наукъ, и еще долго будутъ предметомъ подражанія. Изученіе древнихъ языковъ, уже давно умершихъ, открываетъ намъ навсегда исчезнувшій міръ въ разнообразной его дѣятельности и направленіяхъ, коихъ разсмаптриваніе изощряетъ умъ и доставляетъ ему средство, правильно суждѣніе о нашемъ времени съ его многообразными усиліями. Въ повѣйшее однакожъ время Языкознаніе избрало себѣ еще другую, болѣе важную цѣль, къ коей стремились большая часть новейшихъ языкоиспытателей. Языкъ не только есть средство постиганія чужія мысли, идеи, но по существу своему есть выраженіе и какъ бы вѣншее проявленіе духа народовъ и людей отдѣльно взятыхъ. Въ языкъ и въ его образованіе отражается духовная природа племенъ; онъ тѣсно сопряженъ съ ихъ просвѣщеніемъ; онъ на всякомъ шагѣ сопровождаетъ духовное ихъ развитіе, и есть вѣрный оппечатающій мыслительной дѣятельности рода человеческого. Изученіе языковъ пріобрѣтаетъ свою истинную и величайшую значительность тогда только, когда разсмаптривается съ этой точки зрѣнія. Тогда оно есть не только средство къ достиженію другой цѣли, но служитъ цѣлю и для самаго себя. Языкъ и его законы изслѣдываются для того, чтобы по степени его образованія заключать о духовномъ развитіи народа, который имъ говоритъ. Для этого конечно необходимо глубокое знаніе природы языка человеческого вообще. Только въ повѣйшія времена Ученые, какъ напр. *Вильгельмъ Гумбольдтъ*, успѣли почерпнуть это знаніе изъ свойства языковъ. Для того нужно из-

слѣдовать весьма многіе языки, извѣстные допослѣдъ по имени, и сличить ихъ формы между собою.

Въ прошедшемъ столѣтіи, особенно въ концѣ его, много было разсуждаемо въ Германіи объ языкѣ, и даже возникъ весьма живой споръ о божественномъ или человеческомъ его происхожденіи; большая часть Ученыхъ однако довольствовалась одними опредѣленными умствованиями, копоры въ этой области такъ же мало, какъ и въ Наукахъ Естественныхъ, ведутъ къ желаемой цѣли. Истинное языкоислѣдованіе можетъ, опираясь только на основательное знаніе многихъ языковъ, достигнуть правильного взгляда на природу слова; и сличеніе языковъ тогда получить цѣну, когда, не довольствуясь одною сравнительною номенклатурою, проникнешъ въ духъ языковъ или формъ, и вмѣстѣ откроетъ законы, по коимъ духъ человеческій, посредствомъ словъ и звуковъ, выражаетъ на разныхъ языкахъ свои чувства, мысли, идеи. По этому пути ревностно идутъ языкоиспытатели нынѣшняго времени.

Мы желаемъ показать въ краткомъ историческомъ обзорѣ, какъ велики донныи успѣхи въ области сравнительнаго языкопнаблюденія, и присоединить нѣкоторыя замѣчанія о сходствѣ корней Санскритскаго языка съ корнями языковъ Семитическихъ. Вопросъ объ этомъ сходствѣ не приведенъ еще въ надлежащую ясность.

Съ XVI столѣтія, въ Западной Европѣ ревностно занимались изученіемъ обоихъ языковъ Классической древности: Греческаго и Латинскаго; а Богословы упражнялись и въ языкѣ

Еврейскомъ, вмѣстѣ и для основательнаго изученія сего послѣдняго, уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ умереннаго священнаго языка, въ сродныхъ съ нимъ діалектахъ, какъ то: Арабскомъ, Сирійскомъ, Халдейскомъ, Эѳіопскомъ и Самаританскомъ. Сверхъ того многіе Богословы пользовались древнимъ Персидскимъ, для объясненія Персидскихъ именъ и предметовъ, встрѣчаемыхъ въ нѣкоторыхъ книгахъ Ветхаго Завета. Не смотря на успѣхи, оказанные на этомъ поприщѣ, кои впрочемъ никакъ велики, что нынѣшнее время въ иныхъ, какъ то въ Эѳіопскомъ и Халдейскомъ языкахъ, далеко уступаясь ученымъ трудамъ XVII столѣтія, грамматическое изслѣдованіе всѣхъ языковъ состояло только въ совершенно эмпирическомъ собраніи формъ Грамматики и правилъ Синтаксиса съ ихъ исключеніями, и не было въ состояніи дать отчетна въ основаніяхъ правилъ и ихъ исключеній соотвѣтственно духу языка и народа, имъ говорящаго. Странно прозвучитъ въ тайны слова нѣмъ менѣе казалось нужнымъ, что эмпирическое въ ономъ свѣдѣніе соотвѣтствовало цѣли изученія языковъ, ограничивающей чтеніемъ и пониманіемъ твореній, на нихъ писанныхъ. Поэтому мы не видимъ никакихъ успѣховъ тогдашняго времени въ сравненіи языковъ: ибо всѣ Восточные языки, за исключеніемъ Персидскаго, были только нарѣчія Семиреческаго корня, въ видѣ своемъ, исторически намъ переданномъ, ни мало не сродныя съ Греческимъ и Латинскимъ. Одинъ Персидскій языкъ, не многимъ впрочемъ извѣстный, показалъ сады сродства съ другими, такъ что уже въ

1640 году Французъ *Сомезъ* (Saumaise, Salmasius) открылъ, что Персидскіе, Нѣмецкіе и Греческіе глаголы одни и тѣ же; онъ думалъ, что они вѣроятно вмѣстѣ произошли отъ Скиѳскаго языка. Философъ Лейбницъ съ большимъ рвеніемъ занимавшійся изысканіемъ языковъ, продолжалъ это открытіе далѣе; между тѣмъ въ XVII столѣтіи *Адрианъ Реландъ*, Профессоръ въ Упгрехтѣ, былъ одушевленъ такою любовью къ испытанію языковъ, что собралъ не только Индійскія слова, встрѣчаемыя у Греческихъ и Латинскихъ Авторъ, но даже сравнилъ между собою Американскіе языки. Съ того времени оказаны чрезвычайныя успѣхи въ распространеніи Языковѣдѣнія, въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи нѣкоторыхъ и во взаимномъ ученіи сличеніи многихъ языковъ. Распространенію знанія многихъ языковъ, дошолъ неизвѣстныхъ, *Россія* оказала величайшія услуги. Просьба, съ кою *Лейбницъ* обратился къ великому Преобразователю Русской Имперіи, *Петру* Великому, «чтобы языки въ земляхъ, Его Величеству подвластныхъ, и на ихъ предѣлахъ употребляемые, но большею частію дошолъ неизвѣстные, необработанные, подвести подъ письмо, составивъ для нихъ Лексиконы, или по крайней мѣрѣ малые Словари, и тѣмъ способствовать знанію происхожденія языковъ Русскихъ подданныхъ,» исполнена не только Имъ однимъ, но даже всѣми Его Преемниками съ истинно Царскимъ величіемъ. Монархи и Монархини Россіи, съ цѣлью просвѣщенія и образованія подвластные Ихъ скипетру народы, почитали однимъ изъ вели-

чайшихъ украшеній своего Престола, озаряющаго отдаленныя страны, покровительствовашъ Языковѣднію не менѣе, какъ и прочимъ Наукамъ, частію великодушно вспомошествова Ученымъ, объѣхавшимъ дальніе предѣлы великой Имперіи Россійской, частію опирая образованныхъ Академиковъ для ученаго изслѣдованія всѣхъ частей Государства. *Аделунгъ* въ твореніи своемъ: «Заслуги ЕКАТЕРИНЫ Великой касательно сравнительнаго Языковѣднія» (1) описалъ, проспиритовалъ и оцѣнилъ многіе, значительные успѣхи, оказанные на этомъ поприщѣ. Мы упоминаемъ здѣсь мимоходомъ только о самыхъ важныхъ опытахъ въ этомъ отношеніи. Бакмейстеръ, умершій въ 1806 году въ С. Петербургѣ, уже въ 1773 году начерпалъ себѣ планъ для сличенія всѣхъ языковъ свѣта между собою. Къ исполненію этого огромнаго предпріятія, онъ приглашалъ наибольшимъ сочиненіемъ своимъ: «*Idea et desideria de colligendis linguarum specimenibus*», изданнымъ на Латинскомъ, Русскомъ и Французскомъ языкахъ, и разосланнымъ въ 600 экземплярахъ по всей Европѣ, знающихъ всѣхъ земель, къ ученому содѣйствію; между тѣмъ онъ сочинилъ для путешествовавшихъ поводаю Внупреніямъ частіямъ Имперіи Академиковъ *Лепехина*, *Палласа* и *Гилденштедта* еще особенное руководство, какимъ образомъ располагать опыты въ языкахъ и дѣлать замѣчанія о собранныхъ

(1) *Catherinen's der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. St. Petersburg 1806.*

нарѣчіяхъ. Это предпріятіе хотя возбудило въ Россіи и чужихъ краяхъ живое участіе, и хотя со всѣхъ сторонъ видно было соревнованіе, при всемъ томъ не увѣчалось желаемымъ успѣхомъ. Собранные матеріалы не были однако и безъ пользы; они употреблены при составленіи большаго Сравнительнаго Словаря, изданнаго по повеленію ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. Эта высокая Покровительница Наукъ совершила подвигъ, о которомъ весьма справедливо замѣнилъ *Аделунгъ*, что онъ навсегда заснавилъ любителей Языковѣднія удивляться Монархинѣ и благотворителю предъ Нею. Императрица сама съ величайшимъ рвеніемъ занималась 6 мѣсяцевъ пріискиваніемъ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ словъ и значеній самыхъ проспыхъ понятій въ Русскомъ языкѣ, чтобы перевести ихъ на всѣ языки; она сама перевела нѣсколько сотъ словъ на *Караибскій* языкъ. Такимъ образомъ явились въ свѣтъ «Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Державной Особы» подъ надзоромъ Академика *Палласа* въ 1787 и 1789 годахъ въ С. Петербургѣ. Они содержатъ въ себѣ переводъ 285 словъ на 200 языковъ и нарѣчій; а именно: 149 Азіатскихъ и 51 Европейскихъ, чтобы дать возможность взаимно сличить ихъ (1).

(1) Послѣ того сіи Словари изданы были исправленные и умноженные прибавленіемъ 22 Азіатскихъ, 4 Европейскихъ, 80 Африканскихъ и 23 Американскихъ языковъ *Географъ Янкоуи*, подъ заглавіемъ: Сравнительный Словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный, 1791 года въ IV Томахъ.

Это творение было принято любителями Исторических и Словесных Наук съ необыкновеннымъ участіемъ и превзошло всѣ другія, какія только до того въ томъ же родѣ существовали. Прежніе успѣхи на этомъ поприщѣ ограничивались собраніемъ переводовъ «Молищвы Господней Отче нашъ» на разныхъ языкахъ, изъ коихъ изданные *Іоанномъ Шамберланъ* (Chamberlagne) въ Амстердамѣ въ 1715 году и Лифляндскимъ проповѣдникомъ *Бергманномъ* въ 1789 на 152 языкахъ, значительнѣйшіе и лучшіе. Важность упомянутого огромнаго предпріятія оправдывается чрезвычайнымъ одобреніемъ, которое оно нашло у языковѣдцевъ всѣхъ странъ, о чемъ Г. *Аделунгъ* обстоятельно извѣстилъ ученый свѣдѣ. Поэтому мы и напоминаемъ здѣсь только о вліяніи, какое имѣлъ этотъ Лексиконъ на позднѣйшее творение подобнаго рода въ Германіи, начатое Саксонскимъ Падворнымъ Совѣтникомъ *Аделунгомъ* и продолженное Профессоромъ *Севериномъ Фатеромъ* подъ заглавіемъ «*Митридатъ*, или общее Языковѣдѣніе вмѣстѣ съ переводомъ Отче нашъ, въ видѣ опыта, почти на 500 языковъ и нарѣчій.» Оно состоитъ изъ четырехъ частей, издано въ Берлинѣ въ 1806 и 1817 годахъ, въ немъ изложены результаты объ изслѣдованіяхъ всѣхъ языковъ свѣта, дополъ сдѣлавшихся извѣстными. Какъ бы однако сравнительное упражненіе въ языкахъ ни было возбуждено и одушевлено этими твореніями: при всемъ томъ оно не могло достигнуть высочайшей цѣли сравнительнаго языкоизлюденія — показати единство въ выраженіи мы-

слей и понятій помощію звуковъ и словъ различныхъ нарѣчій.

Собраніе однихъ словъ нѣкоторыхъ діалектовъ и языковъ ни сколько не довольно для утвержденія надежнаго объ истинномъ сродствѣ языковъ сужденія. Не смотря на то, что въ слова неизвѣстнаго языка, собранныя путешественниками, должны часто вкрадываться большія ошибки — что даже неизбежно при языкахъ необразованныхъ, неимѣющихъ еще письменъ, частію по различію выговора, частію по неспособности невѣжественныхъ народовъ составить себѣ нѣкоторыя опредѣленные понятія и выражать ихъ правильно посредствомъ словъ: при всемъ томъ сходство въ звукахъ нѣкоторыхъ словъ между собою не служитъ еще вѣрнымъ доказательствомъ ихъ сродства, потому что оно можетъ быть или совершенно случайнымъ, когда корень, служащій основаніемъ для словъ, совершенно другой, или же, гдѣ оно въ точности встрѣчается, можетъ происходить отъ перенесенія словъ и понятій одного языка въ другой: ибо всякій народъ, имѣя съ другимъ общесѣвныя сношенія, принимаетъ у него множество предметовъ и понятій вмѣстѣ со словами, ихъ знаменующими, кои постепенно пріобрѣтающъ такое право гражданства въ языкѣ, что ихъ происхожденія даже и Ученому опгдаться не легко; а для неученыхъ оно остается совсѣмъ неизвѣстнымъ. Многіе ли знаютъ напр. что слова: *стихіа*, *стихи*, *тетрадь* не суть Славянскаго происхожденія, но Греческія: *στοιχεῖα*, *στίχοι*, *τετράδιον*, или что слова: *башмакъ*, *деньги*, *лошадь*, *стаканъ*, *хозяинъ* и многія

другія (1) заимствованы изъ языка *Татарскаго*? Но положимъ, что эти, почти неминуемыя погрѣшности точно избѣгнуты, дабы только слова естественныя и первоначальныя языкамъ сравнились между собою, при всемъ томъ невозможно познать истиннаго родства разныхъ языковъ по сходству нѣкоторыхъ словъ, но единственно по общему ихъ образованію. Это внутреннее сходство слова, имѣющее свое основаніе въ познствѣ всеобщихъ законовъ языка, происходящихъ изъ существа человеческого духа, которой мы называемъ *духомъ языковъ*, не можетъ быть основательно изслѣдовано и правильно изъяснено по немногимъ словамъ, какъ бы ихъ число ни было велико, но только по внутренней природѣ развитія языковъ, по тому, какъ всякій народъ разумѣетъ на своемъ языкѣ разнообразныя понятія и выражаетъ ихъ словами, по образу обнаруженія всѣхъ мыслей его въ связи словъ и періодовъ. Поэтому для ученаго познанія языка необходимъ точный и правильный изгладъ въ его основныя части: Этимологию и образованіе словъ, синтаксическую связь и порядокъ ихъ (2). Если сравненіе языковъ должно вести къ полезнымъ результатамъ, то надобно сливать между собою не только Словари и Лексиконы, но даже Грамматики разныхъ языковъ. На сей конецъ нужно прежде всего фило-

(1) Слич. Пространную Русскую Грамматику изданную Г. Гречемъ, Томъ I § 57 втор. издан.

(2) Слич. разсужденія Адмирала *Шишкова* объ этомъ предметѣ въ извѣстіяхъ Россійской Академіи, Книга I стр. 25 и проч., Книга V, статья I.

софское развитіе Грамматики, которое, не довольствуясь оплеченными умозрѣніями касательно языковъ и ихъ законовъ, почерпнуло бы изъ глубины исторически данной сущности языка, и стремилось бы найти общіе законы, служащіе ей основаніемъ.

Кромѣ того всѣ языки подвергаются въ теченіе времени значительнымъ переворотамъ не только касательно выговора словъ, условияемаго разнообразными обстоятельствомъ природы, но даже такимъ, которые тѣсно соединены съ сущностью самаго языка. Слова сдвигаются, наконецъ совершенно выходятъ изъ употребленія, другія заступаютъ ихъ мѣсто, иныя хотя и сохраняются, однако измѣняютъ со временемъ значенія свои. Такъ встрѣчаемъ у Пестора, и въ Поэмѣ Игоря, множество словъ и выраженій, неизвѣстныхъ въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ: *веврка* вмѣсто *бѣлка* или *векна*; *закромъ* (мучный ящикъ), *застреха* (чердакъ), или фразы, какъ по: *мечьми цвѣлти* т. е. мучить мечами, *пустиль на воронъ* и т. д.

Сверхъ того въ разныхъ языкахъ предметы получаютъ свое названіе отъ различныхъ свойствъ, въ нихъ замѣчаемыхъ, что рождаетъ великую разность въ словахъ и выраженіяхъ языковъ, между собою близко сродныхъ: такъ (повторимъ примѣръ (1), приведенный Г. *Шишковымъ*) «Русскій говоритъ *утка*, Полякъ *кака*, Боснякъ *пловка*, подъ коими разумѣютъ всё широе одну и

(1) Смолеръ, Извѣстія Росс. Акад. Книга V, стр. 56.

пу же плиту.» Русскій, примѣтивъ, что она уныкаетъ всегда носъ свой въ воду, назвалъ ее *утикою*; Полякъ, опъ способа ея ходить переваливаясь съ ноги на ногу или качаясь, назвалъ ее *кадкою*; Боснякъ, опъ плаванія, назвалъ ее *пловкою*.

Посему для успѣшнаго упражненія въ сравнительномъ языкознаніи, надобно напередъ изслѣдовать самые языки исторически и философски. Этому способъ съ начала текущаго столѣтія признавался всегда необходимымъ, — и опличнѣшіе языко-испытатели начали руководствоваться онымъ при изслѣдованіи нѣкоторыхъ главныхъ языковъ и ихъ нарѣчій. Германія первая ревностно и основательно пользовалась этою методою опносительно обоихъ языковъ классической древности, Греческаго и Латинскаго. Два сочиненія, изданныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сославляють въ этомъ опношеніи эпоху: всеобщая Грамматика, изданная ученымъ *Бернгарди* (*Allgemeine Sprachlehre von A. F. Bernhardi, Berlin 1801*), коюрою положено было основаніе умственному изслѣдованію языковъ вообще, и твореніе *Готфрида Германа*, подъ заглавіемъ: *De emendanda ratione Grammaticae Graecae* (Лейпцигъ 1801), въ копоромъ Авторъ не только глубокомысленно, сколько опроумно опровергнулъ спарыя закоренѣлыя погрѣшности Классической Филологіи. Изъ нихъ сочиненіе Германа дало изученію Греческаго и Латинскаго языковъ новое умозрительное направление; а сочиненіе Бернгарди въ особенности возбудило стремленіе къ историческому изслѣдо-

ванію древнихъ Германскихъ языковъ, нашедшихъ въ *Яковѣ Гриммѣ* (*Jacob Grimm*) самаго умнаго изыскаателя. Этому стремленію Нѣмецкихъ Ученыхъ современны труды *Добровскаго* (1) и *Шарфика* (2) надъ Славянскими языками и ихъ Литературою. Для Русской Словесности ученое поприще открылъ достойный Президентъ Россійской Академіи, Адмиралъ *Шишковъ*: въ слѣдствіе чего Грамматика, созданная *Ломоносовымъ* въ срединѣ минувшаго столѣтія, возведена была *Грегемъ*, (воспользовавшимся всеми успѣхами философскаго, историческаго и сравнительнаго Языкознанія въ Германіи), на степень ученаго изслѣдованія.

Для этихъ занятій, счастливо начатыхъ, и нынѣ увѣнчанныхъ значительными успѣхами, знакомство съ однимъ изъ образованнѣйшихъ языковъ древняго Востока, открыло еще новое поприще. Естественныя произведенія и сокровища Индіи были извѣстны Европѣ гораздо прежде, чѣмъ духовное развитіе и Словесность *Браминовъ*, на которые Ученый Начальникъ Англійскаго Восточно-Индійскаго Общества *Вилліамъ Джонъ* (*Jones*), въ концѣ минувшаго столѣтія, первый обратилъ общее вниманіе. Пятидесять лѣтъ тому назадъ,

(1) Сопр. *Josephi Dobrowsky Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822*, и: Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію, сочиненіе Аббата *Иосифа Добровскаго*, перевелъ съ Латинскаго *М. Погодинъ*. Сан. Петербургъ 1833 года 3 члсти.

(2) Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten von Paul Joseph Schaffarick. Ofen, 1826.*

Европа нисколько не знала Индійскаго языка, называемаго *Санскритскимъ*, н. е. совершеннымъ или Классическимъ, съ полнымъ правомъ поному, чно онъ, по сужденію знапкоковъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ, благозвучныхъ и образованныхъ языковъ въ мірѣ. Первое извѣстіе о немъ сообщилъ Европеицамъ Миссіонеръ *Паулино* (Paulino a St. Bartholomeo) въ своей: «Grammatica Samserdamica», изданной въ Римѣ 1790 года. До него уже занимались имъ нѣкоторые Англичане въ Восточной Индіи, которые и привезли многія ученныя сокровища Индіи въ Парижскую и Лондонскую Библіотеку. Въ Англіи основано было даже въ *Гартфордѣ* (Hartford) особое Училище (College) для изученія Санскритскаго языка; однакожь тогдашнія военныя обстоятельства и сопряженные съ ними трудности континентальнаго сообщенія, воспрепятствовали Европеискому матеріку воспользоваться грамматическими и лексикальными пособіями, изданными въ Бенгаліи и Англіи, пока наконецъ *Отмаръ Франкъ* и *Францъ Боппъ*, возбужденные твореніемъ *Фридриха Шлегеля* объ языкѣ и мудрости Индійцевъ (über die Sprache und Weisheit der Indier von Fr. Schlegel, Heidelberg 1808) и впомоществуемые щедростію Баварскаго Правительсва, поѣхали въ Англію къ самому источнику. По возвращеніи своемъ въ отечество съ богатымъ ученымъ сокровищемъ, они ввели въ Германію Санскритскій языкъ и дали ему право гражданства, такъ что нынѣ учащъ ему въ весьма многихъ Университетахъ Германіи. И въ настоящее Оичесствѣ нашелъ Санскритскій

языкъ своихъ почитателей. Уже въ 1811 году *Аделунгъ* представилъ Императорской Академіи небольшое твореніе подъ заглавіемъ: «Rapports entre la langue Sanscrite et la langue Russe» (о сходствѣ Санскритскаго языка съ Русскимъ), и съ того времени съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми явленіями въ этой области, какъ доказываетъ изданный имъ въ 1830 году Опытъ Санскритской Литературы, который въ прошедшемъ году напечатанъ вновь подъ заглавіемъ: *Библиотека Санскритская* (Bibliotheca Sanscrita, St. Petersburg 1837), въ совершенно исправленномъ и обогащенномъ видѣ. Сіе твореніе, какъ рачительное указаніе всей до сихъ поръ извѣстной Словесности этого языка, весьма драгоценно для языковѣдцевъ. Недавно Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія исходатайствовалъ для даровитаго юноши *Роберта Ленца*, (посвятившаго себя подъ руководствомъ *Боппа* изученію Санскритскаго языка и доказавшаго познанія свои изданнымъ имъ Санскритскимъ твореніемъ (1),) Высочайшее впомоществованіе для усовершенствованія его познаній въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ имѣются самые богатые рукописные источники этой Литературы, въ послѣдствіи же поручилъ ему при Академіи Наукъ Каѳедру Санскритскаго языка; но ввезанная смерть удалила

(1) Подъ заглавіемъ: Urvasia, fabula Caledasi, Textum Sanscritum edidit, interpretationem latinam et notas illustrantes adjecit Rob. Lenz. Berolini 1834, и: Apparatus criticus ad Urvasiam conscripsit Rob. Lenz. (ibidem).

его съ поприща, на которомъ онъ общалъ при-
нести труды важнѣйшіе. Санскритскій языкъ спо-
собенъ болѣе всѣхъ прочихъ усовершенствоваться
общее изученіе языковъ: ибо не только Санскрип-
ская Литература полнѣе другихъ и открываетъ
необыкновенную дѣятельность одного изъ древнѣй-
шихъ и образованнѣйшихъ народовъ Востока;
но и самый языкъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ
языкамъ міра. Помощію свойственнаго ему каче-
ства—обнаруживанію легчайшимъ образомъ перво-
начальный свой составъ, онъ объясняетъ удовле-
творительно свое родство со всѣми Европей-
скими языками и представляетъ ихъ въ новомъ
свѣтѣ. По отзыву глубокомысленнѣйшаго языко-
вѣда, не давно умершаго *Вильгельма Гумбольд-
та*, безъ основательнаго изученія Санскритскаго
языка невозможно ожидать плодовъ ни отъ Языко-
знанія, ни отъ той части Исторіи, которая
соединена съ нимъ (1). Истина сего разсужде-
нія довольно доказана успѣхами, оказанными въ
той области. Между Нѣмецкими Филологами
Санскритскаго языка, Берлинскій Профессоръ
Боппъ сдѣлалъ Сравнительное Языкознаніе глав-
нымъ предметомъ своихъ изысканій. Онъ уже
въ 1816 году началъ труды свои по сей части
твореніемъ о системѣ спряженій Санскрип-
скаго языка, сравненной съ системою спряженій
Греческихъ, Латинскихъ, Персидскихъ и Гер-

(1) Въ Журналѣ Фридриха Шлегеля, подъ заглавіемъ: Indische Bibli-
othek, Томъ I, стр. 133.

манскихъ (1). Онъ безпрестанно продолжалъ свои
изслѣдованія, принесшія зрѣлые плоды для Наукъ;
его Сравнительная Грамматика (2) доказала чрез-
вычайно ясно, что языки Санскритскій, Зендскій,
Греческій, Латинскій, Нѣмецкій, Литовскій и
Славянскій братья единой великой семьи языковъ,
о взаимной связи коихъ и сродствѣ часто появля-
лись прежде самыя противоположныя гипотезы.
Помощію ученыхъ указаній на сродственное от-
ношеніе всѣхъ упомянутыхъ языковъ, мы получили
о происхожденіи величайшихъ и могущественнѣй-
шихъ націй древняго и новаго времени ясное
пониманіе, которое можетъ служить вѣрнымъ руко-
водствомъ для Историковъ въ темныхъ эпохахъ,
гдѣ сокрыты историческія начала Европейскихъ
народовъ. Важность результатовъ Сравнительнаго
Языкознанія сдѣлается еще яснѣе, если мы обра-
тимъ больше вниманія на разнообразныя вѣтви,
происходящія отъ корня этого языка.

1) *Санскритскій языкъ*, чисто сохранившій
первоначальный видъ корня языка, простираю-
щегося отъ береговъ Индійскаго Океана до бере-
говъ Атлантическаго моря, занимаетъ, по мнѣнію
языкоиспытателей, первое мѣсто между срод-

(1) Ueber das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung
mit jenem der Griechischen, Lateinischen, Persischen und Germani-
schen Sprache Frankfurt a. M. 1816, 8.

(2) Vergleichende Grammatik der Sanskrit, Zend, Griechischen, Latei-
nischen, Litthanischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen von
Franz Bopp. Berlin 1833, 4.

ными ему нарѣчіями; хотя онъ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ вошелъ въ число мертвыхъ языковъ, однако еще донинѣ *Брамы* учатся ему и знаютъ его, какъ Европейскіе Ученые Латинскій. На немъ сочинены не только религіозныя докуменсты, но даже Классическія произведенія Поэзіи древней Индіи. О судьбѣ этого языка извѣстно только то, что онъ уже въ V столѣтій по Рождествѣ Христовомъ началъ превращаться въ нарѣчія и вышелъ изъ употребленія, вѣроятно подъ вліяніемъ Магометанскаго владычества. Его замѣнили два проспонародныя нарѣчія, образовавшіяся изъ смѣшенія Санскритскаго съ Арабскимъ и Персидскимъ, а именно: *Индостанское* и *Бенгальское*, изъ коихъ первое обладаетъ богатою Словесностію. Первымъ говорящъ въ *Индостанѣ*, впрочемъ болѣе въ сѣверахъ *Гангеса*. Уже прежде развились рядомъ съ Санскритскимъ, какъ Священнымъ языкомъ *Брамы*, два народныя нарѣчія: *Пракритское* (Pracrit), т. е. нарѣчіе проспонародное (dialectus vulgaris), заключающее въ себѣ въ обширномъ смыслѣ всѣ діалекты Санскритскаго языка, въ тѣсномъ же смыслѣ единственно то нарѣчіе, на коемъ сочинены книги религіозной секты *Джайновъ* (Gajnas), и на коемъ, по причинѣ его гибкости въ драматическихъ твореніяхъ, говорящъ добрые духи и женщины (1); и *Пали* (Pali), священныя языкомъ обожателей *Будды*, распространенный нынѣ онъ

(1) Слич. сочиненіе подъ заглавіемъ: De Pracrita dialecto libri duo auctore Alb. Hoefler. Berolini 1856.

полуострова *Малакки* до *Китая* (1). Объ остальныхъ нарѣчіяхъ Восточнаго полуострова Индіи извѣстно только то, что въ нихъ находятся элементы Санскритскаго, но не рѣшено еще, принадлежали ли они первоначально къ корню Санскритскому или нѣтъ. Сверхъ того Санскритскій языкъ имѣлъ сильное вліяніе на письменный языкъ *Малайскихъ* острововъ; а именно: *Яви* (Java) и *Бали* (Bali), носящій на себѣ названіе *Кави* (Kavi), т. е. языкъ Словесности (отъ *Kawiĵa*, т. е. стихотвореніе). Преимущественно занимался имъ *Вильгельмъ Гумбольдтъ* (2). Санскритскій языкъ, по отзывамъ Англійскихъ Ученыхъ, сохранился еще въ Восточной Индіи безъ малѣйшаго смѣшенія въ нарѣчіи *Кашмирскомъ*, почти вовсе неизвѣстномъ въ Европѣ. Парижское Азіатское Общество недавно занялось изданіемъ Лѣтописи *Кашмира*, единственнаго историческаго творенія, которое имѣетъ Словесность Индійская. И такъ изъ этого явствуетъ, что всѣ языки обоихъ полуострововъ Восточной Индіи, отъ Индостана, Бенгаліи до Кашмира и Китайскихъ предѣловъ, тѣсно сродны между собою, и что Санскритскій языкъ распространенъ посредствомъ поселеній также и на Малайскихъ островахъ.

2) Санскритскому языку ближе всѣхъ какъ въ географическомъ отношеніи, такъ и касательно

(1) Слич. Burnouf et Lassen Essai sur le Pali. Paris 1826.

(2) Слич. его сочиненіе подъ заглавіемъ: Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java, von Wilhelm von Humboldt. Erster Theil. Berlin 1836.

древности и свойству, языки прежней Персии и Мидии. Сюда принадлежат языкъ *Зендскій*, на коемъ писана *Зендавеста*, религиозное уложение древнихъ Персовъ, обожателей свѣта и огня, учение основанное *Зороастромъ*. Французъ *Анкетиль дю Перронъ* (Anquetil du Perron) первый привезъ въ Европу подлинникъ *Зендавесты* въ послѣднюю четверть минувшаго столѣтія, и сдѣлалъ содержание его извѣстнымъ во Французскомъ переводѣ, сопоставленномъ въ Индіи съ помощію Индійскихъ Наставниковъ. Онъ издалъ также первыя изысканія свои объ языкѣ Зендскомъ и его Словоспособности, значительно обогащенные потомъ *Клейкеромъ* (въ Килѣ) въ прибавленіи къ Нѣмецкому его переводу *Зендавесты* (1). Эти изслѣдованія оказались однако довольно несовершенными; нашли даже, что *Анкетиль дю Перронъ* не опредѣлялъ правильной азбуки для Зендскаго языка. Ему обязаны мы Датскому языкоиспытателю *Раску* (2). Въ 1830 году *Юстъ Ольсгаузенъ* (Justus Olshausen) началъ издавать литографированный текстъ подлинника *Зендавесты*; между тѣмъ *Бюрнуфъ* (Burnouf) въ Парижѣ, обработавъ нѣкопорыя ея части критически, издалъ оную въ оригиналъ и переводѣ,

(1) Смѣст. Zend-Avesta, Zoroasters lebendiges Wort, aus dem Französischen des Anquetil du Perron von Jos. Friedr. Kleuker. 5 Theile. Riga, 2-ter Aufl. 1786, и его: Anhang zum Zend-Avesta. Leipzig und Riga 1781.

(2) Въ твореніи подъ заглавіемъ: Ueber das Alter und die Aechtheit der Zend-Sprache und Herstellung des Zend-alphabets nebst einer Uebersicht der gesammten Sprachstammis von R. Rask, übersetzt von Friedr. Heinrich von der Hagen. Berlin 1826.

съ учеными изслѣдованіями (1); а *Бопль*, Берлинскій Профессоръ, показалъ въ своей *Сравнительной Грамматикѣ* ближайшее сходство Зендскаго языка съ Санскритскимъ. Кромѣ Зендскаго, говорили въ древнѣйшія времена въ прежней Персии и Мидии на другомъ варѣчьи, коего остатки разсѣянно сохранились въ надписяхъ, на памятникахъ и развалинахъ *Вавилона*, чертогахъ *Персепольскихъ*, при озерѣ *Ванъ*, по близости *Гамадана* или *Экбатаны* и въ другихъ мѣстахъ. Эти надписи по клинообразію буквъ, называются *клинными* (inscriptions cuneiformes, Keilinschriften), коихъ объясненіе, (судя по тому, сколько Боннскій Профессоръ *Лассенъ*, послѣ первыхъ опытовъ *Гротенда* (2) способствовалъ къ ихъ уразумѣнію), доставило уже важный для знанія языковъ и Истории результатъ, а именно, что письменные памятники содержатъ въ себѣ нарѣчіе, съ Зендскимъ весьма близко сродное, принимаемое *Лассеномъ* за древній Персо-Мидійскій языкъ (3). Изъ этихъ двухъ языковъ (Зендскаго и Персо-

(1) Подъ заглавіемъ: Commentaire sur le Yaçna, l'un des livres religieux des Parses, ouvrage contenant le texte Zend pour la première fois, les variantes de quatre manuscrits de la Bibliothèque royale et la version Sanscrite inédite de Nerissengh, par Eugène Burnouf. Tome I. Paris 1833.

(2) Въ твореніяхъ Профессора *Герена* (Heeren), подъ заглавіемъ: Ideen über die Politik, den Verkehr und Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Томъ I, Часть II.

(3) Смѣст. его твореніе подъ заглавіемъ: Die Altpersischen Keilinschriften von Persepolis. Entzifferung des Alphabets und Erklärung des Inhalts, von D. Christian Lassen. Bonn 1836.

Мидійскаго) образовались подъ правленіемъ Арсакидовъ и Сассанидовъ сходныя между собою нарѣчія, какъ то: *Пауендъ* (Pazend), вѣроятно испорченное Зендское, *Пелеви*, опъ слова *Пелу*, Герой, на которомъ писаны Сказанія о Герояхъ древнихъ Персовъ, и языкъ встрѣчаемый на Сассанидскихъ памятникахъ; касательно всѣхъ ихъ господствуетъ доннынъ большая неопредѣленность, ожидающая поясненія. Съ достовѣрностію можно теперь сказать только то, что нынѣшніе языки сихъ странъ *Курдскій*, *Авганскій* и *Персидскій* или *Ново-Персидскій*, съ примѣсю многихъ составныхъ частей Арабскаго, произошли опъ Зендскаго и Древняго Персидскаго помощію сродныхъ членовъ упомянутыхъ нарѣчій со времени Магомеданскаго владычества. Изъ этихъ языковъ болѣе извѣстенъ намъ одинъ Ново-Персидскій, и многіе уже давно замѣчали чрезвычайное сходство его съ *Германскимъ* и *Греческимъ*, хотя впрочемъ это доказано ясно только въ новѣйшія времена. По мнѣнію знаменитаго Оріенталиста *Гаммера*, все коренное свойство Персидскаго языка состоитъ изъ 10 или 12 тысячъ словъ; въ этомъ числѣ четвертая часть чисто-Германскихъ, частью съ незначительными измѣненіями сродныхъ гласныхъ и согласныхъ буквъ, частью же и безъ измѣненія оныхъ (1).

(1) Слѣд. Вѣстникъ Лѣтописи (Wiener Jahrbücher der Literatur). Томъ XXXV, стр. 136, и сочиненіе Профессора *Дорна*, подъ заглавіемъ: Dorn, über die Verwandtschaft des Persischen, Germanischen und Griechisch-Lateinischen Sprachstammes. Hamburg 1827.

3) Третью главную вѣтвь этого обширнаго корня Индо-Европейскаго языка образуютъ *Греческій* и *Латинскій*, коихъ знаніе со времени возстановленія Наукъ въ XV столѣтіи, считалось основаніемъ высшаго образованія. Ихъ взаимное, тѣсное сродство никогда не подлежало сомнѣнію, хотя сравнительный взглядъ на истинно родственное отношеніе возникъ недавно опъ ихъ сличенія съ Санскритскимъ. Прежде думали, что Латинскій языкъ произошелъ опъ Греческаго, и именно, опъ Дорійскаго нарѣчія; но теперь изъ сравненія онаго съ древнимъ Индійскимъ оказалось, что они оба исходятъ опъ одного источника, состоятъ въ равномъ отношеніи къ прочимъ языкамъ, и что Латинскій языкъ перѣдко сохранилъ свой корень лучше и яснѣе Греческаго, который по гибкости и разнообразію своихъ формъ, удалялся болѣе опъ первобытнаго корня. Равнымъ образомъ и сходство обоихъ языковъ съ Персидскимъ и Германскимъ, было уже прежде замѣчено нѣкопными Учеными, хотя впрочемъ это доказано достовѣрно только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда изученіемъ древнѣйшихъ Германскихъ нарѣчій первоначальное ихъ образованіе въ *Готскомъ* сдѣлалось извѣстнымъ, и было развито грамматически. Помощію этихъ изслѣдованій, пріобрѣтшихъ въ грамматическихъ трудахъ *Іакова Гримма* (1) прочное, надежное основаніе, получили

(1) Смолр. его Грамматикъ, подъ заглавіемъ: Deutsche Grammatik, Göttingen. 4 Тома, 1837 года.

необходимую ясность не только разные древнѣйшіе идиомы Германскіе, дополъ почти неизвѣстные, но даже обоюдное ихъ отношеніе къ сроднымъ кругамъ языковъ Индіи, Персіи, Греціи и Рима.

4) Опрасль *Германскихъ* языковъ примыкающая какъ четвертая вѣтвь къ семейству Индійскаго языка, занимаетъ всю Западную половину Европы. Къ ней принадлежатъ: 1) *Готскій* языкъ, коего значительные опрывки имѣются донынѣ въ переводѣ Библии на Готскій языкъ Архіепископомъ *Улфилою* въ IV' столѣтіи; 2) *Верхне* и *Нижне-Нѣмецкое* нарѣчіе древняго и новаго времени; 3) *Англо-Саксонское*, служащее основаніемъ нынѣшнему Англійскому языку; 4) *Исландское*, на коемъ изданы пѣсни *Эдды* сѣвернаго баснословія 5) *Шведское* и *Датское*. Сродство Германскаго языка съ Санскритскимъ примѣнили уже *Паулино* и *St. Bartholomeo* (1); а всѣ слѣдующіе знапки Санскритскаго языка утвердили его; наконецъ *Боппъ* ученымъ сличеніемъ грамматическаго устройства обоихъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, *Поттъ* (2) въ этимологическихъ изслѣдованіяхъ, и *Графъ* (3) въ своемъ

(1) Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: De antiquitate et affinitate linguarum Zendicar, Sanscriticarum et Germanicar. Padoviae 1798 года, въ которомъ 60 Нѣмецкихъ словъ сличены съ Санскритскими.

(2) Смотр. пвореніе подъ заглавіемъ: Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen, mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlungen im Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Lithauischen und Gothischen von D. Aug. Friedr. Pott. Lemgo 1833 — 36, 2 Bände.

(3) Смотр. его Лексиконъ подъ заглавіемъ: Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache. Berlin 1835 — 38, 3 Theile.

Лексиконъ древняго Мейссенскаго нарѣчія, устранили всякое въ томъ сомнѣніе. Изъ древнѣйшихъ Германскихъ нарѣчій развились въ Среднихъ вѣкахъ, смѣшеніемъ съ Римскимъ языкомъ, такъ называемые *Романскіе*, п. е. новые языки *Италіи*, *Испаніи*, *Португаліи* и *Франціи*, такъ что они уже посредственно относятся къ Санскритскому.

5) Съ вѣтвью Германскаго языка можно сравнить наконецъ, касательно его древности, объема, развитія и богатства словъ, пятую вѣтвь Индійскаго языка — языкъ *Славянскій* во всемъ разнообразіи его нарѣчій, занимающій всю Восточную половину Европы, и въ видѣ Русскаго языка просиравющійся до Внутренней Азіи. Эта вѣтвь, даже въ географическомъ отношеніи, приближаясь опять къ Санскритскому, доснойно заключаетъ цѣлый кругъ сродныхъ между собою опраслей языковъ. Различныя Славянскія нарѣчія и идиомы слишкомъ извѣсны изъ Грамматики *Грега* и *Добровскаго*, чтобы здѣсь въ особенностяхъ исчислять ихъ подробно. Ихъ сродство съ Санскритскимъ языкомъ предчувствовали уже давно, какъ замѣчено выше, а потомъ доказали *Аделунгъ*, Харьковскій Профессоръ *Дорнъ* (1) и даже Нѣмецкіе Ученые, *Боппъ*, *Поттъ*, *Боленъ* и другіе; наконецъ это сродство указалъ *Грегъ* въ многихъ мѣстахъ своей Просиранной Грамматики,

(1) Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: De affinitate linguae Slavicae et Sanscritae exposuit J. Alb. Bernhardus Dorn. Въ Харьковѣ, 1833 года,

въ особенности же при сравнительномъ изложеніи: мѣстоименій (ср. 240) и глагола *быть* (ср. 286). Славянскій языкъ сохранилъ даже свое родство съ Санскритскимъ вѣрнѣе, нежели Германскій, такъ что знамоу при этомъ и Липовскомъ діалектѣ, лежащемъ между обоими, вездѣ вслѣдствіе удивительное сходство; между тѣмъ родство Германскихъ нарѣчій съ Санскритскимъ языкомъ болѣею частію замѣчается въ ихъ согласіи съ Готтскимъ, древнѣйшимъ Германскимъ нарѣчіемъ, намъ теперь извѣстнымъ.

Изъ этого краткаго обозрѣнія явствуетъ, что сіе великое семейство языковъ съ полнымъ правомъ носитъ на себѣ названіе *Индо-Европейскаго*: ибо оно простирается по всей Южной Азіи и по всей Европѣ, за исключеніемъ немногихъ полосъ земли, обитаемыхъ народами *Маджарскаго* и *Финскаго* происхожденія, коихъ языки ближе примыкаютъ къ языкамъ Верхней Азіи, какъ то, къ *Монгольскому*, *Тибетскому* и *Китайскому*, нежели къ Индійскимъ. Родство вышесказанныхъ пяти семействъ языковъ со всѣми отраслями ихъ нарѣчій не есть однако наружное, случайное, возникшее заимствованіемъ словъ изъ одного въ другой при историческихъ между собою сношеніяхъ этихъ народовъ, или основанное на случайномъ во многихъ словахъ сходствѣ звуковъ; оно не зависитъ и отъ общаго происхожденія всѣхъ, говорящихъ имъ племенъ: ибо оно тѣсно сопряжено съ сущностію языковъ, касается ихъ корней, равно какъ грамматическаго устройства всѣхъ частей рѣчи. Уже теперь, при самомъ такъ сказанъ началѣ изслѣ-

дованія, число пожизненныхъ корней оказывается весьма значительнымъ, какъ то доказываютъ сочиненія *Боппа*, *Потта*, *Граффа* и другихъ, а касательно Славянскаго языка, (конкорый по незнанію Славянскихъ нарѣчій этими Писателями, или почти вовсе не былъ сравниваемъ, или сравниваемъ былъ только мимоходомъ) творенія *Аделунга* и *Дорна*, изъ коихъ послѣдній, начиная съ 128 страницы своего творенія, собралъ болѣе 80 Санскритскихъ корней съ пожизненными Славянскими. Указывая на оныя на случай дальнѣйшаго изысканія, мы удовольствуемся объяснить вышесказанное не многими примѣрами словъ, которыя сохранили во всѣхъ главныхъ отрасляхъ такое между собою сходство, что даже не зная законовъ звукоизмѣненій, тѣсно сопряженныхъ съ языками, ихъ можно бы узнать безъ затрудненія. На примѣръ, можно бы сравнить Санскритскіе корни: *dā* (дать), по Персидски *دادنъ* *dāden*, по Гречески, съ усугубленіемъ, *δι-δέ-ναι*, по Латыни *da-re*, по Славянски *даю*, *дать*; и настоящее *dādami*, даю, по Греч. *δίδωμι*; — *sthā* (стоять), въ настоящемъ *tī-sthāmi* (спую), по Перс. *استادنъ* *usta-den*; по Греч. *στα*, *ἵσταναι*, по Лат. *stare*, по Слав. *стать*, по Герм. *stahn*, *stehen*; — *bhṛgi*, *носить*, по Перс. *بردنъ* *bur-den*, по Слав. *беру*, *братъ*; по Готтски *baira*, по Греч. *φέρειν*, по Лат. *ferre*; — *mṛi* (умереть), по Перс. *مردنъ* *mur-den* (повелительное *میر* *mūr*), по Лат. *mori*, на Греческомъ съ смѣшиваніемъ губныхъ буквъ:

м и б: *βρότος* смертный; — *πά* (въ страдат. ріе) пить, по Греч. *πίνειν*, по Лат. *bibere*, *potare*, по Перс. *badēh* вино, (питье); *і* (ипши), *ēmi* (иду), по Перс. *ajem* по Греч. *ίέναι, είμι*, по Лат. *ire*; — *plu* (plave) плыть; по Греч. *πλείωω, πλέω*, по Лат. *flus*, по Слав. *плавать*, по Герм. *fließen*; — *dschna* знать, по Греч. *γινῶμι*, *gnosco*, по Готич. *kan*, на древнемъ Нѣмецкомъ *chan* — и такъ далѣе. Сверхъ того надо бы сравнивать имена какъ то: *dakschiná* на Зенд. *dáschina*, на Греч. *δεξία*, по Лат. *dextra*, по Славян. *десница*, по Готич. *taihsvó* (правая рука); — *duhitr*, на Зенд. *dughdar*; на Перс. *دختر* *dòhhter*, по Греч. *θυγάτηρ*, дочь (дочери), по Готич. *dauthar*, на древнемъ Нѣмецкомъ *tohtar*, *Tochter*; — *bhrátr* на Зенд. *brátar*, на Перс. *برادر* *bhráder*, по Слав. *братъ*, по Лат. *frater*, по Готич. *bróthar*, по Нѣм. *Bruder*; — *madhu*; (медъ) на Зенд. *madhu* (малу) вино, по Греч. *μέθυ*, по Нѣм. *Meth*; — *dvár*, дверь, *θύρα, fores, Thüre*, по Готич. *daur*, на древнемъ Нѣмецкомъ *Tor, Thor*; — *navas* новый, *novus, νέος*, и многія другія. — Мы не хотимъ умножать число примѣровъ, потому что всякій найдетъ ихъ въ вышесказанныхъ пвореніяхъ и что одни слова не въ состояніи служить важнымъ доказательствомъ равнаго происхожденія языковъ: ибо, какъ между прочимъ *Бопля* (1) весьма пра-

вильно замѣнилъ, часто въ одномъ сполѣтїи, языкъ народа еще мало образованнаго въ своихъ видахъ, до такой степени исполняется словами сосѣдственныхъ языковъ, что едва возможно отличить коренное отъ примѣси. Напрощивъ того, грамматическія формы, составляющія существенную часть языка, не могутъ быть переносимы изъ одного языка въ другой такъ, чтобы онѣ совершенно сроднились съ его духомъ. Для примѣра вышесказаннаго сродства языковъ, прилагается сравненіе насмѣющаго времени глагола *быть*.

(1) Слич. его сочиненіе подъ заглавіемъ: *Vergleichende Zergliederung des Sanskrits und der mit ihm verwandten Sprachen*, нахо-

дящееся въ разсужденіяхъ Берлинской Академіи Наукъ (*Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften*), 1821 года, стран. 123.

По Санскр.	По Персид.	По Славян.	По Гречески.	По Латин.	По Готич.	По Нѣмец.
Единств. asmi	اِسْمِ (эзмь)	есмь	εἶμι (отъ εσμι)	sum	im	bin
asi	اِسِي (и)	еси	ἔσσι (Амничес.)	es	is	bist
asti	اِسْتِ (эсть)	есть	ἐστί	est	ist	ist
Множ. svas	اِصْمِ (имь)	есмы	{ ἐσμεν ἐιμες (Дорій.) }	sumus	sijum	sind
stha	اِصْثِ (идь)	есце	ἐστε	estis	sijuth	seid
santi	اِصْنِ (эндь)	супь	ἐντι (Дорійски)	sunt	sind	sind
Двойств. svas	—	есва	—	—	siju	—
sthas	—	есна	ἐστων	—	sijuts	—
stas	—	еспа	ἐστων	—	—	—

То же сходство замѣчается во всѣхъ частяхъ Грамматики, (особенно же въ спряженіи глаголовъ и въ склоненіи именъ) и въ языкахъ Славянскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, сохранившихъ одинакія съ Санскритскими грамматическія окончанія; оно здѣсь еще разительнѣе, нежели тамъ, гдѣ окончанія уже изгладились какъ по въ Новоперсидскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, въ которыхъ надежи именъ образуются чрезъ присоединеніе къ нимъ предлоговъ и членовъ, а спряженіе глаголовъ преимущественно чрезъ вспомогательные глаголы.

Съ Индо-Европейскимъ языкомъ можно сравнивать какъ въ отношеніи вѣшнемъ, т.е. по исторической важности, глубокой древности и распространенію, такъ и во внутреннемъ богатствѣ словъ и Словесности, — языкъ *Семитическаго* корня, получившій свое названіе отъ *Сима*, сына Ноева, коего потомки большею частію говорили на разныхъ его нарѣчіяхъ, и распространившійся нѣкогда отъ береговъ Тигра до Средиземнаго моря, а посредствомъ Финикійскихъ поселеній по приморскимъ полосамъ Сѣверной Африки, до древнихъ Оарсиса и Гадеса въ Испаніи. Этотъ языкъ распространенъ вмѣстѣ съ Магомешанскою Религіею въ большей частіи Африки и Азии. Его разделяютъ на три большія отрасли, въ томъ числѣ языкъ *Еврейскій* смѣшенный съ *Финикійскимъ* и *Пуническимъ* нарѣчіями въ Карфагенѣ и Оарсисѣ, вышедшій изъ употребленія еще въ IV. столѣтіи до Рожд. Хр. Сей главный діалектъ, богатствомъ словъ и развитіемъ своимъ, занимаетъ средину между весьма бѣднымъ и мало обработаннымъ

Арамейскимъ, и весьма богатымъ и чрезвычайно образованнымъ языкомъ *Арабскимъ*, находясь по среди энихъ, сродныхъ съ нимъ нарѣчій и въ географическомъ отношеніи. На Сѣверѣ и Востокѣ смѣшался онъ съ *Арамейскимъ* нарѣчіемъ, такъ называемымъ по слову *Арамъ* пл. е. высокая земля, подъ коимъ Евреи разумѣли всѣ земли, лежація между Ливаномъ, Финикіею и Палестиною къ Западу, Аравіею къ Югу, Тигромъ къ Востоку и Тавромъ къ Сѣверу. Въ восточныхъ частяхъ энихъ областей — Месопотаміи и Вавилоніи — говорили на немъ, какъ на *Халдейскомъ* языкѣ; въ Западныхъ, а именно, въ Пальмирѣ и Дамаскѣ, какъ на *Сирійскомъ* нарѣчій. Цвѣтущее состояніе его относится ко временамъ Христіанскимъ. На Югѣ языкъ Еврейскій граничилъ съ *Арабскимъ*, который уже въ древнія времена, будучи развитъ у Арабскихъ племенъ независимо другъ отъ друга жившихъ, сдѣлался въ Магомедово время однимъ изъ самыхъ богатыхъ и замѣчательныхъ Словесностью своею языковъ; между нѣмъ оспіашокъ болѣе древняго, изъ самой Аравіи изгнаннаго *Гиміаритскаго* нарѣчія, сохранился въ языкѣ *Эвѳіопскомъ*, на коемъ, (нынѣ называющъ его *Геецкомъ* geez), существуютъ не только переводы Библии, но даже историческія и другія творенія, хотя впрочемъ въ XIV столѣтіи онъ превратился въ народное нарѣчіе *Амгори* (Amhari).

Въ нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ понятій, Ученые находили давно сходство между корнями Санскритскаго и Семитическаго языковъ. Англичанинъ *Галедъ* (Halhed), первый изъ Евро-

пейцевъ, выучившись Санскритскому языку, примѣтилъ также его сходство съ Арабскимъ. Это незначительное сходство однако уменьшается существеннымъ различіемъ корней обоихъ языковъ, такъ, что сужденіе *Фридриха Шлегеля*, (въ твореніи его объ языкѣ и мудрости Индійцевъ): «Еврейскій языкъ ни мало не сроденъ съ Санскритскимъ», нашло довольно общее одобреніе. Величайшій знапокъ Еврейскаго языка, Галльскій Профессоръ Гезеній (Gesenius), замѣтилъ въ 1827 году (1), что Семитическій языкъ вообще только въ нѣкоторыхъ корняхъ сходенъ съ древнѣйшими первообразными языками Восточной Азіи: Зендскимъ, Пелеви и Санскритскимъ, и въ доказательство тому сообщилъ 18 словъ, изъ коихъ однако многія не были свойственны первоначально Семитическому языку, а только при сношеніяхъ Семитовъ съ Восточно-Азіатскими народами, перенесены изъ ихъ языковъ. *Гезеній*, продолжая послѣ сличенія свои, открылъ болѣе дѣйствительно сродныхъ корней и объяснилъ ихъ. При всемъ томъ между извѣстнѣйшими Оріенталистами, какъ то: *Вильгельмомъ Шлегелемъ*, *Францомъ Боппомъ* и *Вильгельмомъ Гумбольдтомъ* господствуетъ донынѣ одно убѣжденіе въ совершенной разности корней обоихъ языковъ, а именно: что въ семействѣ Санскритскаго языка корни односложны, и что не только способны къ сло-

(1) Въ пространной Грамматикѣ, подъ заглавіемъ: Ausführliches Grammatiko-Kritisches Lehrgebäude der hebräischen Sprache, mit Vergleichung der verwandten Dialekte, ausgearbeitet von Wilhelm Gesenius. Leipzig 1817.

женію, но почти эшимъ единственно развивающіяся и образующія Грамматику; напротивъ въ Семитическомъ языкѣ корни двусложны, или состоятъ изъ прехъ необходимыхъ согласныхъ буквъ, на коихъ исключительно основывается означеніе корней, такъ что гласныя въ Санскритскомъ для означенія корней въ высшей степени важны, въ Семитическомъ же, для уразумѣнія корней будучи совершенно незначительны, опускаются. По этому разница двоякая: *первая* касается числа коренныхъ слоговъ, поелику корни въ Санскритскомъ односложны, а въ Семитическомъ двусложны; *вторая* основная разница заключается въ отношеніи согласныхъ буквъ къ гласнымъ для означенія коренныхъ словъ.

Разсматривая ближе это двоякое различіе, мы легко удостоверимся, что различіе въ числѣ коренныхъ складовъ есть нѣчто совершенно наружное и само по себѣ не въ состояніи утвердить основную разности корней обоихъ языковъ. Памятники Семитическаго языка въ помѣ видѣ, въ коемъ они являющіяся намъ, заключающія конечно большое множество корней, состоящихъ изъ двухъ или прехъ согласныхъ. Впрочемъ даже теперь описанный изслѣдователи Семитическаго языка, Гезеній, Эвальдъ (1) и другіе сознаются, что это состояніе корней не есть первоначальное, но принадлежить второй эпохѣ образованія языка.

Правильность этого мнѣнія явствуетъ изъ того, что въ Семитическомъ языкѣ, по всемъ его нарѣчіямъ, воспрѣчается множество односложныхъ словъ для самыхъ простыхъ понятій; какъ по אב (абъ) отецъ, אמ (эмъ) мать, אח (ахъ) братъ; בן (бенъ) сынъ; какъ и многіе односложные корни глаголовъ, какъ по: בין (бинъ) замѣнить, שׁים или שׁימ (симъ или сумъ) поставивъ; קימ (кумъ) споятъ; שׁיב шубъ (или תיב шубъ, תב таб, пааба, паваба въ Арамейскомъ и Арабскомъ) возвращать и проч. Сверхъ того можно даже по нѣкоторымъ историческимъ слѣдамъ доказать, какъ уже и доказано касательно Еврейскаго языка Гезеніемъ, въ новѣйшихъ его трудахъ грамматическихъ и лексическихъ (1), что многія двусложныя слова усугубленіемъ одной согласной буквы, или же присовокупленіемъ сродной согласной, образованы изъ первоначальныхъ односложныхъ корней: такъ произошли напримѣръ: изъ корня קצ (кацъ), содержащаго понятіе рубить, глаголы קצץ (кацацъ) и קצץ (каца) разрубить; קצב (кацабъ) отрубать; קצץ (кацацъ) отрубить; קצר (кацаръ) срѣзать, въ аллегорическомъ смыслѣ: рѣшить. Эти односложныя корни, какъ по קצ и другіе, хотя не найдены болѣе въ остаткахъ языка, намъ переданныхъ; однако дѣйствительность подобнаго хода

(1) Въ Арабской Грамматикѣ, подъ заглавіемъ: Georgi Henrici Aug. Ewaldi Grammatica critica linguae Arabicae. Lipsiae 1831, въ I Частн, § 147 — 149.

(1) Слѣч. его: Lexicon manuale hebraicum et chaldaicum, Lipsiae 1833, и его: Hebräische Grammatik. Halle 1831.

при языкообразованіи доказывається встрѣчаемымъ въ пвореніяхъ Еврейскихъ, Арабскихъ, Сирійскихъ, Халдейскихъ и Эѳіопскихъ дальнѣйшимъ образованіемъ двусложныхъ корней въ прехъ-сложныя, чепырехъ-сложныя и ппчисложныя слова, частію по-мощію присовокупленія согласной буквы, или вклю-ченія оной въ средину словъ, частію посредствомъ сліянія двухъ корней, состоящихъ изъ прехъ со-гласныхъ, въ одно слово, гдѣ обыкновенно выбра-сывалась одна согласная буква. Изъ этого образо-ванія можно даже показатъ поспѣенное развитіе разныхъ Семитическихъ нарѣчій. Еврейскій языкъ, котораго Словесность древнѣ Арабской и еще болѣе Сирійской и Эѳіопской, имѣетъ значи-тельно менѣе прехъ-сложныхъ словъ, нежели Араб-скій и Эѳіопскій (1). Принимая въ соображеніе по существенное обстоятельство, что однослож-ные корни глаголовъ въ первообразѣ Санскрит-скаго языка по всѣмъ его опраслямъ въ дѣйстви-тельности не существуютъ, но открываются только тому, кто занимается Грамматикою тео-ретическимъ образомъ, мы не можемъ вовсе не опираться на то, что въ Семитическомъ языкѣ односложные корни не существуютъ болѣе въ дѣйствительности. Вотъ почему *Вильгельмъ Гумбольдтъ* не безъ основанія почиаетъ различіе, замѣчаемое въ числѣ коренныхъ слоговъ между обоими языками неважнымъ и принимаетъ за

(1) Множество доказательствъ этого доставляютъ сочиненія *Гезенія* (Lehrgebäude der hebr. Sprache, стр. 861) и *Гупфелда* (Hupfeldi exercitationes aethiopicae, Lipsiae 1824, pag. 24 seq.

вѣроятное, что даже въ Санскритскомъ, съ самаго начала, современно съ односложными корнями, принимаемыми по многочисленности своей за пра-вило, были нѣкоторыя двусложныя, частію по той исторической причинѣ, что въ Санскрит-скомъ, не смотря на всѣ усилія Индійскихъ Грам-матиковъ — относить всѣ слова къ односложнымъ корнямъ — существуетъ еще 13 корней глаголовъ, кои, не подчиняясь закону односложности, имѣютъ видъ двусложный, хотя впрочемъ въ нихъ и не за-мѣтно слѣдовъ сложности; частію по общей философской причинѣ: ибо если бы всѣ слова безъ исключенія были первоначально односложны, то не лзя бы изъяснить перехода изъ однослож-ныхъ корней къ словамъ двусложнымъ. Такія существенныя измѣненія въ языкѣ никогда не совершаются случайно, но по извѣстнымъ зако-намъ (1). Посему мы должны предполагать въ первоначальномъ положеніи обоихъ корней языковъ смѣшенія односложныхъ и двусложныхъ словъ, при чемъ однако имѣютъ перевѣсъ односложные. Ибо разсмапривая языкъ какъ произведеніе человѣче-скаго духа, образованное способностію, врожден-ною человѣческой природѣ, мы едва въ состояніи иначе представитъ себѣ изобрѣтеніе и образованіе словъ, какъ посредствомъ впечатлѣній, произ-веденныхъ наружными и внутренними средствами

(1) Слич. сочиненіе *Гумбольдта*, подъ заглавіемъ: Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, § 28, въ Берлинѣ 1836 года.

на духъ, такъ что звукъ, вызванный изъ груди живоспѣію впечатлѣнія, породилъ слово. Если бы всякой предметъ дѣлалъ только одно впечатлѣніе на душу, то вѣроятно всякое понятіе выражалось бы только односложнымъ словомъ. Однако многіе предметы возбуждаютъ въ душѣ два или три впечатлѣнія, кои были уже вначалѣ выражаемы двумя звуками, или двусложными словами.

Еще явственнѣе другое различіе въ сущности корней обоихъ языковъ, которое, сколько мнѣ извѣстно, еще ни однимъ испытателемъ не объявлено удовлетворительно. Въ языкѣ Санскритскомъ гласная буква составляетъ существенную принадлежность корня, такъ что отъ нея измѣненія часто перемѣняются значеніе слова. Для примѣра можно взять Греческіе глаголы: *δέω* вязать, *δόω* давать, *δύω* наклонить, погрузить, омочить, въ которыхъ одні гласныя: *ε*, *ο*, *υ*, совершенно перемѣняютъ значеніе. Въ Санскритскомъ языкѣ нѣкоторые корни состоятъ даже изъ одной согласной буквы, какъ по: (*i*) иппи, по Латыни *ipe*. Въ Семитическомъ, по обыкновенному взгляду, значеніе коренныхъ словъ основывается исключительно на согласныхъ: такъ напр. согласныя буквы *ק*, *ט*, *ל* (к., т., л.) означаютъ *убить* и выражаютъ, по различному произношенію согласныхъ, другіе виды этого слова, напр: *каталь* онъ убилъ; *катулъ* убишый; *котель* убивая; *кетель* (*קטל*) убійство, и п. д. — Должно ли починать это различіе *неизгладимымъ*? Это подлежитъ сомнѣнію потому, что множеству Семитическихъ

корней, опущеніемъ согласной буквы, или сокращеніемъ прехъ согласныхъ (при чемъ выбрасывается гласная) превращаясь въ одну первоначальную, сливается съ корнями Санскритскими. Нѣкоторые примѣры объяснятъ это: *קח* (лахъ), лизать; по Санскритски (*lux*), по Гречески *λείω*, по Латыни *lingo*; — *לל* (галаль, галль) равенъ Греческому *κίλλω*, *κέλλω*, *κυλίω*, *volvo*, *wallen* (валянь), *quellen*; — *חש* (харапъ), по Персидски *کاریدن* (каридень), по Италіянски *grattare*, по Французски *gratter*, *kratzen* (царапать); — *טפ* (тафафъ или тапапъ) *tappen* (ощупывать), на Санскритскомъ языкѣ съ перемѣщеніемъ согласныхъ буквъ (*падъ*) нога, (*pata*) ходъ, по Греч. *πάτος*, *πατέω*, *ποδός*, *πούς* по Нѣм. *Fuss*. — Желаящие починать ихъ звукоподражательными (*ὀνοματοποιήματα*), и опинать у нихъ *доказательную силу*, могутъ сравнить слѣдующіе Семитическіе глаголы съ соотвѣствующими Санскритскими: а) Еврейскіе *בעל* (бааль) господствовать, съ Санск. *पाल*; *לש* (лупъ) покрыть, съ Санскр. (*лудъ*); — *עץ* (уфъ) лепить съ Санскр. (*авъ*); — *אב* (даабъ) исчезать съ Санскр. (тапъ); — *אל* (азаль) иппи, съ Санскр. (*залъ*); — *את* (ата) приппи съ Сан. (*атъ*); — *פרי* (фара) плодотворить и *פרי* (Фери) плодъ, съ Санскр. (*бри*, *bhri*), — *חש* (харапъ) орать съ Санскр. (*кришъ*); *שמר* (шамаръ) сохранять съ Санскр. (*смаръ*) и такъ далѣе; б) Арабскіе *قال* (каала) звать, съ Санскритскимъ (*каль*) — *סאס* (саса) приказать, съ Санскр. (*sās*); — *סא* (сала) печь, съ Санск. (*самъ*); — *סא*

(сара) ходишь съ Сан. (сри); نرا (нада) звать съ Санск. (надь); مشى (машаі) прохаживаться, съ Санск. (маскъ); ترق (тарака) оставить, съ Санск. (тракъ) и многія другія слова. Кромѣ того, множество Семитическихъ именъ вмѣсто первообразныхъ значеній имѣютъ одно значеніе съ Санскритскими, напр: אש (эшъ) огонь съ Санскр. (ушъ) жечь; — איש (ишъ) мужъ (иза); — נעל (нааръ) юноша (нара); — שן (шенъ) или חן (пешъ) (данта) зубъ; — קרן (керенъ) рогъ (карна); — סלע (зела) скала (зила); אף (афъ) также (апи); — Халдейское חרר (пера) (дваръ) дверь и проч. — Число до сихъ поръ показанныхъ, равныхъ между собою коренныхъ и другихъ словъ, весьма значительно въ семействѣ Семитическаго и Индо-Европейскаго языковъ и будетъ еще возрастать, если оставши той опрасли Индо-Европейскаго языка, на копорой говорили въ земляхъ сопредѣльныхъ съ полосами, обитаемыми Семитическими племенами, сдѣлаются болѣе извѣстными; мы разумѣемъ здѣсь языки древней Персіи, *Зендскій* и *Пельви*, копорые у насъ очень мало извѣстны. Въ *Пельви* находимся множество словъ, кои, если отбросить въ нихъ окончаніе *natan* (напанъ) получаютъ одно значеніе съ Еврейскими. Сравнимъ только слѣдующія слова: פאן (афа) варить и *affu-natan* (аффунапанъ); שקה (шака) пить и *schaku-natan* (шакунапанъ); שבק (шабакъ) полагать и *shabku-natan* (шабунапанъ); פשק (позакъ) разрѣзать и *pashu-natan* (пазкунапанъ); שית (мупъ) умереть и *maitu-natan* (майпунапанъ); משך (мапхаръ)

дождать и *matru-natan* (мапрунапанъ); Сирійское (регепъ *rehet*) и *ratu-natan* (рапунапанъ) и п. д. — При этомъ множествѣ равныхъ словъ первоначальное единство Семитическаго и Санскритскаго языковъ едва ли подлежитъ большому сомнѣнію. Если даже, по основательномъ изслѣдованіи, оспаются еще многіе Семитическіе корни, для коихъ не опыщутся въ Индо-Европейскихъ языкахъ сопвѣтствующіе, и на оборотъ: то изъ эшаго не возможно вывести убѣдительнаго заключенія о первоначальной ихъ разности: ибо во-первыхъ семейства эшихъ языковъ, со времени раздѣленія своего, претерпѣли столь многія измѣненія, что первоначальный ихъ видъ и объемъ никогда не можетъ быть истинно и вполне изъясненъ. Мы уже замѣтили предварительно, что языки непрерывно развивались, и потому въ семействѣ одного языка многія слова и виды ихъ могутъ въ теченіе времени потеряться, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, кои однако сохраняются въ другомъ. Это касается Индо-Европейскихъ гораздо болѣе, чѣмъ Семитическаго, потому что сей послѣдній надѣленъ болѣе постоянными свойствами, нежели первый. Вотъ причина, почему особые нарѣчія Семитическія имѣютъ между собою болѣе сходства въ словахъ и грамматическихъ видахъ, нежели разныя опрасли семейства Санскритскихъ языковъ. — Раздѣленіе эшихъ двухъ языковъ относится ко временамъ предъ-историческимъ, когда древнѣйшіе народы оставили общее свое опечесіево. Мы находимъ Семитическій языкъ со времени Моисея съ 1500 года до Р. Х., въ главныхъ опношеніяхъ,

въ его совершенно развитомъ положеніи, съ двусложными боренными словами. Когда именно Санскритскій языкъ достигъ полнаго образованія своего, не лзя опредѣлить въ точности. Древнѣйшіе, намъ извѣстные памятники, *Веды*, простираются до Моисеевыхъ временъ. Періодъ цвѣтущаго состоянія Санскритской Литературы относится къ первому Христіанскому вѣку, когда въ дворцѣ *Раія Викрамидитія* жили девять Индійскихъ Поэтовъ, изъ коихъ знаменитѣйшій *Калидаза*, сочинитель славной *Саконталы*. Къ болѣе опдаленнымъ временамъ относятся обѣ великія Эпическія Поэмы: *Рамаяна*, сочиненная *Вальмикомъ*, и *Магабхарата*, писанная Поэтомъ *Визою* (Vyasa). Если мы припишемъ древнѣйшія творенія Санскритскія временамъ отъ 1500 до 1200 до Р. Х., то со времени опдѣленія семействъ сего языка отъ Семитическихъ, вѣроятно прошло цѣлое тысячелѣтіе, не оставившее намъ памятниковъ ни одного, ни другаго языка, которые бы могли быть между собою сравниваемы. — Сверхъ того надобно знать, что вѣкъ семейства Индо-Европейскаго языка, ближайшаго къ Семитическому по древности своей и по географическому положенію, т. е. *Зендскій*, имѣетъ столь мало памятниковъ, избѣгнувшихъ разрушительнаго дѣйствія времени, что мы даже тогда не будемъ въ состояніи ознакомиться съ его объемомъ, когда всѣ оспалки этой опрасли, еще въ Азіи существующіе, сдѣлаются намъ извѣстными. Даже въ Санскритскомъ языкѣ, надѣленномъ богатою Словесностію, едва ли сохрани-

лись всѣ сокровища его Словесности. То же самое можно сказать о семействѣ Семитическихъ языковъ, а именно о Еврейскомъ, который въ особенностяхъ по высокой древности своей заслуживаетъ вниманіе. Изъ твореній, писанныхъ на Еврейскомъ языкѣ, мы имѣемъ только священныя, которыя, натурально, содержатъ въ себѣ еще не все богатство языка. Но этимъ причинамъ не должно намъ надѣяться обстоятельно доказать совершенное равенство между корнями семействъ обоихъ языковъ, и надобно довольствоваться возможностью, изъ большей части родныхъ и подобныхъ словъ, вывести заключеніе о тождествѣ цѣлаго.

Къ этому заключенію приводятъ насъ результаты наблюденій, до сихъ поръ сдѣланныхъ: ибо разность, о коей мы сказали, столь тѣсно соединена съ сущностію обоихъ языковъ, что въ Санскритскихъ корняхъ гласная буква необходима для значенія, а напротивъ того въ Семитическомъ языкѣ, знаменованіе корня основывающееся на согласной, можетъ исчезнуть и изгладиться. Проникая глубже въ свойство сей разности, я надѣюсь доказать это. — Прежде всего надобно обратить вниманіе на то, что самое различіе въ видѣ, представляемое намъ Санскритскими Филологами, не есть исключительное. Оно не состоитъ въ томъ, чтобы въ семействахъ Индо-Европейскаго языка означеніе корня основывалось единственно на гласныхъ буквахъ, какъ въ Семитическомъ на согласныхъ. Величайшіе знаатоки Санскритскаго языка утверждаютъ, что гласная буква существенна для значеній, т. е.

значение коренного слова зависитъ отъ связи извѣстныхъ согласныхъ буквъ съ опредѣленною гласною; такъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ *дѣω*, *дѳω*, *дѣω*, значение слова зависитъ не отъ гласныхъ *ε*, *ο*, *υ*, но отъ цѣлыхъ словъ. — Чтобы однако получить ясное понятіе объ отношеніяхъ корней обоихъ языковъ между собою, мы должны изложить нѣкоторыя предварительныя замѣчанія.

Въ семействѣ Индо-Европейскаго языка корни яснѣ видны въ Санскритскомъ. Индѣецъ, охотно философствующій обо всемъ, размышлялъ съ самаго начала о своемъ языкѣ; переходя предѣлы дѣйствительности, онъ освобождалъ глаголы отъ ихъ сослагательныхъ видовъ, и такимъ образомъ достигъ помощью отвлеченія до простыхъ соспавныхъ частей языка. Эти простые элементы, или корни, распределенные отечественными Грамматикиами по алфавиту, помѣщены въ собраніяхъ первообразныхъ именъ, изъ коихъ два извѣстны въ Европѣ подъ названіемъ *Казината* (*Kaṣinātha*) и *Вопадевы* (*Vopadēva*), коими пользуясь одинъ Нѣмецкій Ученый (1) лѣтъ за десять предъ симъ, издалъ корни глаголовъ съ ихъ значеніями.

Корнями глаголовъ называютъ ихъ по примѣру Индійскихъ Грамматикиовъ, хотя названіе это и неправильно, потому, что отъ нихъ происходятъ не только глаголы, но также большое число именъ. Такихъ корней первообразныхъ словъ вышесказанныхъ Индійскія собранія содержатъ въ себѣ 2352,

къ коимъ присовокупляются еще 44 такъ-называемые корни Сауштра (*Sautra*). Они встрѣчаются въ грамматическихъ правилахъ (*Sutras*) Ученыхъ, въ особенности Панина (*Pāṇini*), древнѣйшаго изъ Индійскихъ Грамматикиовъ. Все это число, вѣроятно, можетъ быть сокращено на половину, какъ скоро равнозначащіе глаголы, измѣняющіеся по различнымъ спряженіямъ, подведутся подъ одну статью. Что самый языкъ, кажется, довольствовался гораздо меньшимъ числомъ корней, можно заключить изъ того, что въ твореніяхъ Санскритскихъ не находится никакихъ доказательствъ для 1845 корней: по этому существуетъ только 507 употребительныхъ корней, кои, сложенные съ частницами, производятъ безконечное богатство значеній. Сія корни состоятъ изъ одной или двухъ, соединенно выговариваемыхъ и за одно починаемыхъ согласныхъ, съ предъидущими или послѣдующими гласными; напр. *vā*, *igē*, *spīgare*, вѣять, *sthā*, стоять; *dschna*, знать; *pī*, бибере, пить; *plu*, плуере, плавать, плыть; *ad*, ядь, яденіе или ѣденіе; или изъ многихъ согласныхъ съ одною гласною въ срединѣ, какъ по: *pat*, падать; *sad*, садиться, *sedere*; *val*, валишь. Корней, состоящихъ изъ одной гласной буквы, считаютъ только два: *i*, *igē*, иппи, и *ī*, желать. — Многие изслѣдователи однакожь ошказали симъ послѣднимъ въ первообразности и приписываютъ ихъ явленіе сокращенію слова, опущеніемъ согласной буквы. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ Аналогія Греческаго языка, гдѣ существуютъ корни глаголовъ, весьма сокра-

(1) Профессоръ Розенъ (*Rosen*) въ твореніи, подъ названіемъ: *Radices Sanscritae. Illustratas edidit Frid. Rosen. Berolini 1827.*

щенные въ Санскритскомъ, напр. *aīṣ*, на Санск. *va*, вѣишь. Рачительное сличеніе всѣхъ Санскритскихъ корней между собою обнаруживаетъ слѣды постепеннаго, дальнѣйшаго образованія корней, частію опущеніемъ согласной и пропятиемъ гласной, частію усиленіемъ коренной гласной буквы. Сравните *mas* и *mā*, мѣряшь, *ig*, *îg* и *î*, ипши (*ire*, *îra*), *sthal* и *sthā*, спюишь, *tug* и *tvar*, спѣишь, *plu* и *plav*, плаваешь и т. д. Это дальнѣйшее развитіе корней въ Санскритскомъ языкѣ должно быть древнее потому, что сродные языки раздѣляютъ между собою двойное семейство такъ, что одинъ удержалъ эпонъ, а другой поотъ видъ, что ясно видно въ Греческомъ *ἔνα*, и Латинскомъ *ire*. Даже въ нѣкоторыхъ глаголахъ Латинскихъ примѣны простые корни, усиленные уже въ Санскритскомъ, какъ по: *sonare* (звучать) на Санскритскомъ *svan*, звенѣть, звонить, *sopire* равно глаголу *сонѣть*, на Санскр. *svap*, храпѣть и проч. Наконецъ можно даже примѣнить въ Санскритскомъ языкѣ нѣкоторое стремленіе, помощію усугубленія превращать корни въ двусложные, какъ по: *vevi*, желать, пребывать, *daridrā*, нуждаться, и пропускавъ основную гласную букву, какъ по: въ *ra*, *ri* и *riv*, пить, *poṣ* и *pivā*, хотя она въ Санскритскомъ языкѣ большею частію почти во всѣхъ видоизмѣненіяхъ сохраняется и позволяешь шолько усугубленіе посредствомъ формъ: Гуна (*Guna*) и Вридди (*Wridhi*), какъ Индійскіе Грамматики ихъ называютъ. Это значитъ пропятие, образующее изъ *i* — *ī*, изъ *u* — *o* и *au* (*au*); напроптивъ въ

сродныхъ языкахъ основная гласная проходитъ весь рядъ гласныхъ звуковъ, какъ въ Нѣмецкомъ словъ: *brach*, *bräche*, *brechen*, *brich*, *gebrochen*, *Bröckeln*, *Bruch*, *Brüche* — явленіе, напоминающее перемѣну гласныхъ буквъ въ Семипитическомъ языкѣ.

Для сличенія Санскритскихъ корней съ Семипитическими, особенно важны еще два замѣчанія: 1) *a* есть главная буква въ самыхъ простыхъ Санскритскихъ корняхъ, а за нею слѣдуютъ *i* и *u*, которыя однакожъ гораздо рѣже бывають коренными буквами; 2) что при корняхъ кончающихся буквами *i* и *u*, эти гласныя большею частію превращаются въ согласныя: *i* въ *ia* и *u* въ *ua*, наприм. изъ *smi*, смѣишься, дѣлается *smāie*, смѣюсь, изъ *plu*—*plave*, плаваешь. Буква *u* смягчается въ сродныхъ нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ словахъ, такъ что даже совсѣмъ опускается, напр. *pléō* отъ *pléu* и проч.

Сравнивая Семипитическіе корни между собою, мы встрѣчаемъ, какъ уже упомянуто, въ развитомъ состояніи сихъ языковъ еще коренныя слова, какъ по: глаголы *בין* (бинъ) замѣчать, *שמ* (симъ) полагать, спавишь, *קם* (кумъ) вспаваешь, *מר* (муръ) умираешь, при коихъ гласная буква составляетъ полную корней и важна опносительно значеній. Впрочемъ число глаголовъ имѣющихъ коренное *i* или *u* въ срединѣ, не велико, да и нѣ причислены (по примѣру Раввиновъ) къ корнямъ, состоящимъ изъ трехъ согласныхъ, такъ что буквы *i* и *u* почтиаются смягченными согласными: *Jod*, *Vau*. Хотя нынѣшніе Корифеи Семипитическаго языкознанія опказались отъ этого заблужденія,

при всемъ томъ существуетъ у большей части изъ нихъ неясность и погрѣшности касательно отношенія гласныхъ буквъ къ согласнымъ въ Семипическомъ Алфавитѣ вообще, и изъ этого возникло мнѣнiе, будто въ Семипическомъ языкѣ всѣ коренныя слова состоятъ изъ согласныхъ буквъ безъ гласныхъ, не имѣющихъ, какъ полагаютъ, никакого влiянiя на корни. Извѣстно, что въ письменахъ всѣхъ Семипическихъ нарѣчiй существуютъ знаки гласныхъ буквъ, совершенно подчиненные собственнымъ буквамъ, и часто совсѣмъ опускаемые потому, что знаменитъ языка не нуждается въ нихъ для чтенiя и уразумѣнiя словъ. Это породило въ Грамматикахъ Среднихъ вѣковъ ложное мнѣнiе, будто Семипическiй Алфавитъ состоитъ изъ однихъ согласныхъ и будто даже буквы *Алифъ* или *Елифъ* (*a*), *Иодъ* или *Ие* (*i*) и *Вавъ* (*u*, *au*) первоначально были также согласными. Неосновательность этого мнѣнiя должна быть очевидна всякому, кто сколько нибудь обращалъ вниманiе на важность и высокое значенiе гласныхъ буквъ, которыя необходимы для выговора словъ. Слѣдовательно Алфавитъ изъ однихъ согласныхъ состоящiй, былъ бы полуалфавитомъ, однимъ скуднымъ способомъ выражать слова для удержанiя оныхъ въ памяти. Если по надежнѣйшимъ свидѣтельствамъ древности (*i*), коихъ истина доказана новѣйшими изысканiями, Семипическое племя — *Вавилоняне* или *Финикияне* — изобрѣло письмо, которое получили

опять нѣтъ Греки, то оно, вѣроятно изобрѣло бы также буквы для души языка, — для гласныхъ звуковъ. Такое мнѣнiе не можетъ быть принято, а даже и не вѣроятно, потому, что не лѣзя найтти ни одной убѣдительной причины сего явленiя. Оно даже рѣшительно опровергается свойствами древняго Семипического Алфавита, коего разнородныя образованiя онъ самыхъ просныхъ и грубыхъ знаковъ на Вавилонскихъ кирпичачъ, до самыхъ красивыхъ буквъ четвероугольнаго Еврейскаго письма, Арабскаго Нещи (*Nischi*) и Сирийскаго курсива, по сужденiю Палеографовъ (*1*), найдены въ связи между собою. Новѣйшiя изслѣдованiя (*2*) по этому предмету устранили всякое сомнѣнiе, что древнiй Семипическiй Алфавитъ съ самаго начала имѣлъ знаки для основныхъ гласныхъ буквъ *a*, *i*, и *u*. Знакъ *a* ставился однакожь только при первомъ звукѣ, т. е. въ началѣ слога (*im Anlaute*); напротивъ того при окончанiи слога (*im Auslaute*), не ставили никакого знака, но всякая согласная буква сама собою выговаривалась съ гласною *a*. Во всѣхъ древнихъ языкахъ, сохранившихъ первоначальный свой видъ, буква *a* имѣетъ преимущество предъ другими, что ясно доказывается извѣстными намъ языками: Санскритскимъ и Готтскимъ. Также въ древнѣйшихъ Семипическихъ нарѣчiяхъ: Еврейскомъ и Арабскомъ, почти всѣ основныя слова

(1) Слѣд. Herodoti histor. lib. V, cap. 58. Plinii histor. natur. lib. VII, cap. 56.

(1) См. сочиненiя Ульриха Конна, подъ заглавiемъ: Bilder und Schriften der Vorzeit. Томъ второй.

(2) Профессоромъ Марбургскимъ Гунфелдтомъ (Hunfeldt) въ журналѣ, подъ заглавiемъ Гермесъ (Hermes), Томъ XXX.

имѣють гласное *a*. Изъ сего явствуетъ, что по правилу выговариванъ всякую согласную букву съ слѣдующимъ *a*, многія согласныя, даже цѣлыя слова могли бы бытъ писаны и писались безъ гласныхъ. Сверхъ того звукъ *a* въ началѣ слога или слова никогда не можетъ бытъ чисто выговариваемъ какъ гласная, но выговоръ онаго соединенъ при начальномъ звукѣ всегда съ легкимъ придыханіемъ (*spiritus lenis*), почему и *a* при начальномъ звукѣ неволью выговаривалось съ придыханіемъ. Наконецъ буквы *i* и *u*, коихъ въ нѣкоторомъ отношеніи не дѣля уже названъ гласными буквами, при скоромъ произношеніи переходящъ предъ другою гласною въ согласную и полугласную *i* (*j*, *Jod*), и *e* (*v*, *Vav*) — н. е. *ia* въ *ja* (*я*), *ua* (*ya*) въ *va* (*ва*). Этимъ объясняется, почему въ послѣдствіи времени, когда начали размышлять о письменахъ, знаки *a*, *i* и *u* могли почестъя слабыми согласными. Посему и утвердилось мнѣніе, будто Семиитическій Алфавитъ первоначально состоялъ изъ однихъ согласныхъ. Это мнѣніе укрѣпилось не только отъ того, что при дальнѣйшемъ развитіи языка, послѣдовавшемъ въ теченіе времени, образовались, кромѣ трехъ основныхъ гласныхъ, еще многіе гласные звуки, какъ по: *ae*, *e* и *o*, для коихъ древній Алфавитъ не имѣлъ никакихъ знаковъ; но даже тѣмъ, что выговоръ многихъ словъ не соотвѣдала болѣе съ образомъ письменъ, ибо нѣкоторыя слова произносились съ гласными *ae* или *e*, въ какомъ случаѣ писали *a*. Поэтому позднѣйшіе образователи языка изобрѣли для гласныхъ звуковъ особенные знаки, приложенные къ соглас-

нымъ, или подчиненные имъ, и постоянно про-спирали эту систему на всѣ гласныя буквы; подобнымъ образомъ буквы *i* и *u*, перешедшія въ полугласныя, были признаваемы за гласные знаки, гдѣ они остались чистыми гласными. Справедливостъ этого взгляда на первоначальное отношеніе гласныхъ буквъ къ согласнымъ въ древнемъ Семиитическомъ письмѣ, доказываеиъ сходствомъ Эѳіонскаго и Санскритскаго языковъ. Въ Алфавитѣ обоихъ не находились для звука *a* при конечномъ слогѣ никакого знака, но всякая согласная выговаривается съ однимъ *a*, если слово не оканчивается гласною буквою, или если, въ случаѣ отсутствія гласной, она не замѣняется никакимъ гласнымъ знакомъ; напротивъ оба Алфавита замѣняютъ *a* при начальномъ звукѣ особенными знаками. То же самое, говоряиъ, встрѣчается въ древнемъ Персидскомъ, клинообразномъ письмѣ (1).

Изъ этого можно вывести важныя заключенія касательно сравненія Семиитическаго языка съ Санскритскимъ. Ибо, если основательно мнѣніе, что древнѣйшій Алфавитъ Семиитическій въ нѣкоторомъ отношеніи состоялъ только изъ слоговъ, именно потому, что всякая согласная буква, будучи выговариваема съ буквою *a*, образовывала одинъ слогъ, и что обыкновеніе Семиитовъ означать свои гласныя буквы точками или линіями, къ буквамъ приложенными, есть недавнее изобрѣтеніе Грамматики для дополненія письма, не

(1) Смотри сочиненіе Профессора Лассена (*Lassen*), подъ заглавіемъ: *Die Altperischen Keilschriften*, стр. 16 и 60.

равно развитого въ дальнѣйшемъ образованіи языка; но предположеніе, что Семитическіе корни состоятъ изъ однихъ согласныхъ, оказывающа неврнымъ. Напротивъ должно утверждать, что всѣ Семитическіе корни, не имѣющіе гласной *i* или *u*, первоначально выговаривались съ крашкою *a*, которая для означенія корня по крайней мѣрѣ поному болѣе существенна, что при включеніи буквъ *i* и *u* въ корень, возникало со всѣмъ другое слово съ другимъ значеніемъ. Слѣдственно всѣ Семитическіе корни, имѣющіе въ нынѣшнемъ своемъ двусложномъ видѣ при неизмѣняемыхъ согласныхъ буквы, принимая обратно первоначальный односложный свой видъ, вступаютъ въ одинъ рядъ съ корнями Санскритскими, состоящими изъ двухъ согласныхъ и гласной *a* въ срединѣ, какъ по: изъ ללך (галаль) дѣлается לך (галь), *катать*, изъ לנל (нафаль) происходитъ נל (фаль) *падать*, по Санскритски: *наступать*, по Гречески: σφάλλα и проч.; между тѣмъ другіе корни, состоящіе изъ трехъ согласныхъ, при односложномъ произношеніи равны Санскритскимъ, что доказывающа многими изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Но впрочемъ всѣ Семитическіе корни, гдѣ встрѣчается одна изъ трехъ буквъ *Алифъ* (а) *Иодъ* (i), или *Вавъ* (u), не состоятъ изъ чистыхъ согласныхъ, но вмѣстѣ изъ согласныхъ и гласныхъ. Знаюку Семитическаго языка извѣстно, какъ велико число семействъ этихъ глаголовъ; извѣстно, что гласныя буквы, выдаваемые за согласныя, встрѣчаются не только къ срединѣ, но и въ началѣ и концѣ словъ; что многія семейства гла-

головъ имѣютъ даже двѣ гласныя буквы; а инныя состоятъ только изъ *a*, *u* и *i*, напр. פא, اوی (ава) *желать*, что въ Санскритскомъ Грамматикѣ сократили до одной буквы *i*;— ודי, ודי (вади) *indicavit*, сродное съ Еврейскимъ ודי (ядахъ) *знать*, согласнася съ Санскритскимъ корнемъ *vid*, *вѣдѣть*, *oīda*, *eīde* *vidi* и т. д. Такимъ образомъ уравниваются за основательную признанная разность корней у обоихъ языковъ, и оба по первоначальному своему виду пожешвенны; оба происходятъ отъ одного древняго языка, существованіе котораго должно отнести ко временамъ, когда родъ человеческій составлялъ *одинъ* народъ и говорилъ однимъ языкомъ.

Показывая первоначальное равенство корней обоихъ языковъ, мы не хотимъ впрочемъ опровергать великаго различія, возникшаго въ нихъ при историческомъ ихъ образованіи и развитіи. Мы нисколько не намѣрены спавить сродство, которое мы желали доказать между Семитическимъ и Индо-Европейскимъ языками, въ одинъ рядъ со взаимнымъ сходствомъ пяти великихъ опраслей, кои заключающъ въ себѣ семейство Санскритскаго языка, или утверждать, что Еврейскій и Арабскій языки сродны съ Санскритскимъ такъ, какъ Славянскій и Греческій. Такое мнѣніе совершенно опровергается, какъ не историческое. Сходство выше исчисленныхъ пяти великихъ опраслей Индо-Европейскаго семейства не только проспирается на корни, но тѣсно соединяется съ ихъ грамматическимъ устрой-

спомомъ, такъ что во всѣхъ главныхъ образованіяхъ существующъ одни и тѣ же законы, и вслѣдствіе въ нихъ разности изъясняюща опредѣленными правилами звукоизмѣненія. Напримѣръ сходство племени Семитическаго языка съ Индо-Европейскимъ касается преимущественно корней, и слѣдовательно первоначальнаго вида, а грамматическое устройство обоихъ совершенно другаго свойства, такъ что разрозненные слѣды равныхъ измѣненій, при сличеніи въ разныхъ мѣстахъ вслѣдствіе, не могутъ получить никакого вѣсу касательно доказательствъ ихъ сходства между собою. Подобное согласіе объясняется общимъ свойствомъ человеческой природы, которая у всѣхъ народовъ и на всѣхъ языкахъ, для сходныхъ понятій, мыслей и воззрѣній опредѣляла средние звуки и виды словъ. — Если время, когда всѣ народы Индо-Европейскаго племени составляли одинъ общій, первоначальный народъ, пересчитавъ за предѣлы Истории и открываясь намъ только посредствомъ общаго сходства и равенства ихъ языковъ, и посредствомъ нѣкоторыхъ сказаній о происхожденіи и первомъ жилищѣ отдѣльныхъ народовъ, то эпоха, гдѣ народы Индо-Европейскаго и Семитическаго племени составляли одинъ общій народъ, перенесенъ еще далѣе во мракъ древности, о коей доставляютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія первая книга Моисеева въ извѣстіяхъ о древнѣйшемъ народораздѣленіи послѣ потопа (книга Бытія, Гл. X). Когда послѣ Вавилонскаго столпотворенія (Книга Быт. Гл. XI) родъ человеческій разсѣлся по землѣ, вѣроятно вмѣстѣ съ племе-

нами народовъ раздѣлились и языки Семитическіе отъ Индо-Европейскихъ такъ, что съ этого времени оба семейства языковъ начали особенный ходъ развитія своего и образованія, коего только общіе законы мы въ состояніи предложить въ свое время. Органическое развитіе языковъ слѣдуетъ двумъ законамъ, изъ коихъ одинъ называется *логическимъ*, а другой *звуковымъ* (*phonétique* отъ *φωνή*). *Логическій* состоитъ въ томъ, что духъ языка сливаетъ два или многіе первообразные корни, — обыкновенно, корни глаголовъ съ корнями мѣстоименій или частицъ, — то есть, соединяетъ въ одно органическое единство и тѣмъ образуетъ изъ ограниченаго числа первообразныхъ корней не только богатство своихъ словъ, но даже главные виды грамматическаго своего устройства. Такъ, напр. въ Русскомъ языкѣ изъ корня *вѣд* (въ Санскритскомъ *vid*) образовались глаголы: *вѣдать* съ производными: *вѣдѣть*, *вѣдѣніе*, *вѣдатель*, *вѣдьма*, *вѣдунъ*, *вѣдомо*, *вѣдомость*, и т. д. *вывѣдши*, *безвѣдомо*, *довѣдывашъ*, *извѣданы*, *навѣданы*, *оповѣданы*, *повѣданы*, *предвѣданы*, *провѣданы*, *завѣдомо*, *невѣдѣніе*, *развѣданы*, *свѣданы* вмѣсто *совѣданы*, *увѣданы*, *заговѣданы*, *исповѣданы*, *проповѣданы*, *предувѣдывашъ*, вмѣстѣ со множествомъ отсюда происходящихъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Изъ *вѣдать* образовались также глаголы *вѣтовать*, *вѣщать* и другіе со многими производными и сложными. Даже формы измѣненія глаголовъ возникли изъ связи корней глаголовъ съ мѣстоименіями, что весьма ясно видно въ Санскритскомъ языкѣ; на-

проптивъ въ опрасляхъ прочихъ языковъ перво-
образъ болѣе изглаженъ, какъ (дадѣми *dīdām*,
даю) изъ *да-д-ами* ил. е. дающій я (есмь).

Законъ *звуковаго* языкообразованія состоитъ
въ томъ, что духъ языка употребляетъ все въ
языкъ данные звуки (гласныя и согласныя буквы),
частію чтобы выразить различными формами
корней разные отношенія основнаго понятія и тѣмъ
распространить богатство словъ, *частію* чтобы
изъяснить разные обстоятельства понятій въ
спряженіяхъ и склоненіяхъ. Такъ напр. изъ Еврей-
скаго корня *קל* (каль) *легко*, происходятъ глаголы
קלל (калаль) быть легкимъ; *קלל* (калелъ) обя-
вить легкимъ, ничтожнымъ ил. е. класъ, прокли-
нать; *קלל* (хекель) облегчить, презирать; изъ
קלל (бо) *притти*, происходитъ *קלט* (хеби) *при-
казать притти* ил. е. *приносить*; изъ Арабскаго
كتب (каптаба) *писать* *اكتب* (актаба) *диктовать*
или *указать писать*; *کتب* (канибонъ) *писарь*, *کتاب*
(киптабонъ) *книга*, *کتبی* (кушубіонъ) *писецъ* (*libra-
rius*), *مکتب* (мактабонъ) *лѣто* или *время писа-
нія* и ил. д. — Сложныхъ корней мѣстоименій и
глаголовъ напротивъ не видно въ Семитическомъ
языкѣ; гдѣ одно измѣненіе корней посредствомъ
измѣненія звуковъ недостаточно для образованія
понятій, тамъ синтаксическое соединеніе и кон-
спирекція должны дополнить недостаточное, хотя
впрочемъ и они весьма неполны, и ни одно изъ
Семитическихъ нарѣчій не въ состояніи обра-
зовать собственно періодовъ. Въ Семитиче-
скихъ діалектахъ законъ звуковаго образованія

преимущественно опредѣляетъ ходъ ихъ развитія;
напротивъ въ Индо-Европейскихъ господствуетъ
вообще логическій. Этимъ превратились племена
обоихъ языковъ въ такое разнообразіе, что въ
ихъ видѣ, исторически намъ извѣстномъ, исчезли
все слѣды единства для поверхностнаго разсма-
триванія. Дальнѣйшее и болѣе глубокое изслѣдо-
ваніе опраслей языковъ открываетъ намъ болѣе и
болѣе внутреннюю ихъ сущность, а въ самосто-
ятельности каждой изъ нихъ порознь — самосто-
ятельность духа народнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ оно
доставитъ намъ яснѣйшій взглядъ на основаніе и
причины, по коимъ въ одномъ народѣ одинъ законъ,
а въ другомъ иной былъ образующимъ началомъ
языкоразвитія. — Смотри по нынѣшнимъ успѣхамъ
изслѣдованій, можно сказать только вообще, что
логическій ходъ образованія языковъ указываетъ
на перевѣсъ ума въ духѣ народномъ, а звуковой на
господство воображенія и разсмаприванія. Если
болѣе глубокое изысканіе должно вести насъ, къ
дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ въ духовной природѣ на-
родовъ, то оно обязано неупомимо продолжать
однажды начатой путь историческаго испытанія
каждаго языка порознь: ибо одно только глубокое
вниканіе въ сущность видовъ языка, только
самое рачительное, объясненіе внутренней необхо-
димой связи, въ которой находятся особыя формы,
какъ опечатокъ воображенія и мыслей, съ сими
последними, будетъ въ состояніи приблизить
взаимное сравненіе языковъ къ желаемой цѣли —
познавъ духовную дѣятельность народовъ. Однако
существующъ еще семейства языковъ болѣе рас-

пространенныя, какъ по *Китайское* и *Монгольское*, коихъ изученіе недавно пачапо, равно какъ и другіе языки, напр. множество Африканскихъ, и Американскихъ, ожидающихъ донныя испытателей своихъ. Даже въ области круговъ Индо-Европейскаго и Семипическаго языковъ остаются многіе предметы, достойные изслѣдованія. Одно только разысканіе всѣхъ языковъ въ состояніи доставить намъ полное понятіе о духѣ человѣческомъ, обнаруживающемся въ языкѣ и въ связи съ прочею образованностію племенъ показавъ такъ-называемую общую духовную дѣятельность нашего поколѣнія.

*Профессоръ Дерптскаго Университета, Докторъ
Философій*

Кейль.

(Изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія,
1838 года, Ноябрь, № XI.)